

Николай
Мерехов

РОДИНА ЛЮДМИЛА

– Помнишь, когда мы с тобой познакомились, ты в кафе покупал пирожные по двадцать две копейки, а я потом отдавала тебе деньги, и ты их брал?

– И что ты хочешь этим сказать?

– Просто вспомнила. Думала, ты бедный: двое маленьких детей, денег не хватает.

Дездемона, Мать Тереза.

То, что я бедный, она решила по моему внешнему виду. Я всегда ходил в грязной обуви и, наверно, слегка поизносился, так как о моём внешнем виде всегда заботилась мать, а почти два года назад она умерла.

Я никогда не думал о том, во что я одет и как я выгляжу, и что девушек и женщин, возможно, разочаровывает мой внешний вид.

Конечно, флиртовать в грязной обуви можно только с какими-нибудь замухрышками.

Это даже хорошо, что я не следил за своим внешним видом, потому что аферистки, проходимки и прочие нехорошие девушки и женщины не обращали на меня никакого внимания.

Если парень или мужчина ходит в грязной обуви, то он наплеватьски относится к мнению девушек и женщин на свой счёт. Ему без разницы, нравится он им или нет.

Девушкам и женщинам такая постановка вопроса не очень приятна: они в недоумении.

А если эта сволочь в грязных ботинках смотрит на женщину как на пустое место, то женщина спокойно это перенести не может: она протестует, негодует. Самое страшное для женщины – это равнодушие со стороны мужчины.

У девушки или женщины непроизвольно, независимо от её желания, начинают роиться в голове мысли. Она начинает думать, а почему она не нравится. Чем моложе и красивей девушка, тем острее для неё этот вопрос.

Она начинает проявлять к нему интерес, думает о нём. И, что самое гадкое, у нее могут возникнуть к нему чувства, особенно если парень или мужчина довольно-таки симпатичный.

Главное тут, что никаких материальных затрат и лишних движений извилинами. Можно целиком и полностью погрузиться в свои дела, и, конечно, надо не забыть о её существовании. Надо спокойно ждать, когда она доведёт себя до

такого состояния, когда, как выразилась одна женщина, психолог: «Уже не сможет не отдаться».

Ты ей ничего не обещаешь, так что все претензии с её стороны будут необоснованными.

Но если мужчина подчиненный смотрит на женщину начальницу как на пустое место, то увольнение ему гарантировано. Женщины даже в безвыходном положении не хотят, чтобы мужчина был ниже них по статусу. Где-то слышал что бизнесвумен в сердцах сказала: «Но не за сантехника мне замуж выходить». А сантехнику без разницы, кто перед ним – домработница или бизнесвумен. Она, домработница, может, приятней, чем бизнесвумен. А бизнесвумен это раздражает, потому что она думала, что, достигнув высокого положения, заставит мужчин перед ней стелиться. Стелятся, но не те.

При повышении социального статуса женщины, когда она делает карьеру, катастрофически уменьшается количество претендентов на её руку. И девушкам нужно серьёзно думать, что для них важнее – тихое семейное счастье или карьера.

Я по натуре человек замкнутый, необщительный, так что дружба с девочками, пустопорожнее времяпрепровождение в мои жизненные планы не входили. Если парень хочет в жизни добиться чего-то серьёзного, он должен стараться держаться от девушек подальше.

Где-то лет в тринадцать или четырнадцать я решил, что серьёзные отношения с девушками начну лет с двадцати.

Прочитал в какой-то книжке, что сексуальная жизнь мальчиков с четырнадцати-пятнадцати лет часто приводит к ранней импотенции или к сексуальной слабости, лет в тридцать-тридцать пять, а если раннюю сексуальную жизнь начинают девочки, то они становятся шлюхами.

Инстинкт размножения тоже ознакомился с этой информацией и успокоился: ему тем более ранняя импотенция ни к чему.

В двадцать лет инстинкт размножения проснулся и ненавязчиво намекает, что пора по бабам. Я ему объясняю, что он уже сублимирован, и вся его энергия направлена на творчество, и он находится под контролем сознания. Правда, никакого творчества, в сущности, не было. Одни маниловские мечтания.

Я тогда не знал, что кроме сознательного логического мышления существует бессознательное, произвольное мышление, называемое наитием, вдохновением, интуицией.

Инстинкт размножения, хоть он и дикий и глупый, но сидит, как и бессознательное произвольное мышление, в закутке бессознательного: правда, сидят они на разных уровнях. Верней сказать, закуток занимает сознание, а всё остальное принадлежит бессознательным процессам.

Инстинкт размножения начал исподволь напевать бессознательному мышлению, что они, дескать, подневольные, что сознательное логическое мышление третирует их и делает всё по-своему. Что они, бедолаги, даже пискнуть не могут, и что сознание использует его, бессознательное мышление, как какого-нибудь мальчика на побегушках: сваливает в кучу в беспорядке всю информацию, а оно, бессознательное, разгребает, раскладывает всё по полочкам, как какой-нибудь лакей.

– Да это сознание без меня, как сосунок без матери, – возмутилось бессознательное мышление, – я могу его отключить и буду делать, что захочу.

- А девку охмурить сможешь?
- Запросто.
- Ты докажи. Вон девка хорошая идёт.
- Ладно. Гасим сознание.

Раз пять или шесть было, что прихожу в сознание, а рядом девушка. Или она сидит на кровати, я на стуле, или вместе сидим на кровати, или она на кровати, а я на корточках возле её колен.

Как я попал к ней или она ко мне? Где познакомились? Как её зовут? Что я ей наговорил?

Сидишь, думаешь. Некоторые девушки, видя, что ты задумался, спохватываются, что надо уходить или им, или мне. Более бойкие девушки берут инициативу в свои руки.

Такая ерунда меня не устраивала. Получается, что без меня меня женили.

Решил выяснить, в чём тут дело. Так как с детства я привык получать информацию в подавляющем большинстве из книг, то обложился литературой. Бассин, Узнадзе, Шерозия, Выгодский, Рубинштейн, Леонтьев.

Тогда любую книгу по психологии можно было легко купить, литература по психологии не пользовалась спросом.

С первого наскока ничего не понял, но не отчаялся, решил постепенно разобратся.

Узнал только, что это самогипноз, и что существуют методики, по которым можно научиться погружаться в самогипноз. В гипнозе или самогипнозе человек лучше рисует, играет в шахматы, лучше дерется, но я, наоборот, хотел, чтобы во взаимоотношениях с девушками было всё под контролем сознания.

Но в ситуациях, когда сознательному логическому мышлению было не по силам выполнить поставленную перед ним задачу, оно отключалось, и бессознательное, произвольное мышление по мере своих сил старалось справиться с этой задачей.

Как-то торговали на вокзале, на перроне. К Людмиле Алексеевне подходит казах, что-то собирает у неё купить. Рядом стояла казашка и говорит ему на казахском языке: «Ты что это у русской хочешь брать?»

Он взял у казашки. Тут Людмила Алексеевна вскипела. За двадцать три года совместной жизни я один раз видел её в таком возбуждённом состоянии, когда она ругалась.

У меня отключилось сознание. Пришёл в себя, когда подошёл полицейский.

Я стою, расставив руки в стороны: держу трёх казашек, стараюсь сгрести их в кучу.

Полицейский говорит:

– Все четверо пошли со мной.

Куда им деваться. Пошли с ним.

Прочитал им лекцию о дружбе между народами. И в заключение сказал, что если ещё раз такое повторится, то выгонит их всех с вокзала.

Когда приехали домой, она сказала:

– Ты спас меня от позора.

Работу бессознательного мышления хорошо видно, когда учишься ездить на машине. Сначала все действия контролируются сознательным, логическим мышлением, и только после сотен, тысяч повторений бессознательное, произвольное мышление берёт работу на себя.

В интеллектуальной деятельности сознательное и бессознательное настолько переплетены, что их трудно разделить, но если сознательное без бессознательного существовать не может, то бессознательное спокойно может обходиться без сознания.

В шахматной игре интуицией считается желание сделать ход, но невозможность рассчитать все варианты. Таль в своей книге писал: «Очень хотелось сделать ход, но варианты не поддавались расчётам, и тут мне в голову пришёл стих: “Ох и трудная эта работа – из болота тащить бегемота”». Начал придумывать всякие приспособления, чтобы вытащить бегемота из болота. После того как вытащил бегемота, сделал ход». Пресса потом писала: «После тщательного расчёта вариантов Таль сделал рискованный, красивый ход и выиграл».

Бессознательное, произвольное мышление специально подсуло сознанию этого бегемота, чтобы оно не мешало бессознательному рассчитывать варианты.

Многие, наверное, замечали, что иногда, когда надо думать о серьёзных вещах, в голову лезет всякая ерунда.

Почему под гипнозом человек делает всё гораздо лучше, чем в сознательном состоянии? Потому что сознание не путается под ногами у бессознательного, произвольного мышления.

Самой лучшей шахматной интуицией обладал Капабланка. Он ставил у себя на часах одну минуту против пяти минут у других гроссмейстеров и выигрывал.

Особенно сильно зависят от работы бессознательного произвольного мышления поэты: они постоянно ждут и жаждут этого вдохновения.

Летом 87-го в парке Горького играли королевский гамбит. Я намучился с ним, когда играл его чёрными против Сашки. Толку не было ни от принятого, ни от отказанного: пока не попробовал контргамбит Фалькбеера.

В парке Горького я никому из разношёрстных игроков не проигрывал контргамбит Фалькбеера.

Как-то иду мимо сильных игроков и слышу голос:

– Сыграем?

От игры я никогда не отказываюсь.

Я сел. Передо мной стояли чёрные фигуры.

Когда он предложил мне королевский гамбит, у меня отключилось сознание: интуитивно я понял, что кандидаты в мастера решили посмотреть, насколько хорошо я играю контргамбит Фалькбеера. Но такое понимание на бессознательном уровне происходит за сотые, тысячные доли секунды.

Очнулся я, когда в руке держал ладью, которую нельзя было трогать. Выгрышный эндшпиль я проиграл.

Я расставил себе белые фигуры: он был в таком шоке, что мозги у него перестали работать. Он уже в дебюте допустил, чтобы я слоном связал его короля и ферзя. Правда, я играл отказанный ферзевый гамбит, которым сыграл не одну сотню партий.

У него нервное потрясение наступило из-за полного отсутствия достоверной информации.

Когда играешь с более слабым противником, произвольно расслабляешься, играешь не в полную силу. Он не знал, что я нахожусь в гипнотическом состоянии, и что уровень игры в данной партии у меня гораздо выше, чем на самом деле.

Контргамбит Фалькбеера никто из них не играл, не лежит у них душа к этому контргамбиту. Это гиблое дело – играть позиции, которые тебе не нравятся.

Это можно сравнить с чтением книги: если сюжет интересный, читаешь взахлеб, а если читаешь через силу, то мозги уже скрипят.

Если он любит играть королевский гамбит белыми, значит, он любит атаковать, а в контргамбите белые должны защищаться. Я тоже люблю атаковать, но плохо держу оборону.

Но сильнее всего на его психику подействовало то, что он подготавливался тщательно и, возможно, не один. Выбрал конкретный вариант, обмусолил его со всех сторон, а оказалось, что вся его домашняя заготовка коту под хвост.

Тут действительно было от чего впасть в шок и над чем следовало серьёзно задуматься.

Даже сильные гроссмейстеры, впервые столкнувшиеся с этим контргамбитом, иногда проигрывали мастерам, которые съели на нём собаку.

Из-за своей лени я никогда не напрягаю мозги на полную мощность. С третьеразрядниками я играю на уровне третьего разряда, с второразрядниками на уровне второго разряда.

Людмила Алексеевна долго не могла поверить, что пьяный я ничего не помню: подозрительно смотрит на меня и спрашивает:

– Ты точно ничего не помнишь?

– Не помню ничего. Если что, ты скажи, что я должен был помнить.

Не говорит.

Но однажды я встал утром после большой пьянки. Кровать стояла возле окна: напротив, возле двери, стояло трюмо. Идя к двери, я заметил в зеркале, что у меня на скуле какое-то пятнышко. Я подумал, что это грязь, наслюнявил палец и стал тереть скулу.

– Ты действительно ничего не помнишь?

– Не помню, а что?

Опять ничего не сказала, но успокоилась и больше никогда не спрашивала, помню ли я, какую ахинею нёс в пьяном виде.

На скуле был всего-навсего маленький, чуть заметный синяк.

И почему её беспокоило то, что я помнил бы что-то из этого, своего же пьяного бреда?

Мы работали в одной организации, виделись по нескольку раз в день, но не общались и даже не здоровались: это у меня такая дурная привычка – ни с кем не здороваться.

Я только сейчас понял, насколько было трудно девушкам и женщинам, которые хотели со мной познакомиться.

Но однажды случайно столкнулись с Людмилой Алексеевной возле выхода. Она что-то спросила, я ответил, разговорились.

– Тебе куда? – спросил я её.

– На остановку.

– Тогда провожу тебя до остановки и пойду на турнир.

У меня и в мыслях не было с ней знакомиться, а тем более налаживать с ней какие-либо отношения. Две женщины сразу для меня много: хлопотно и утомительно. И потом, эти выяснения отношений, когда они обе умные, а я дурак... Один раз было, и хватит.

Тогда в Алма-Ате проходил чемпионат СССР по шахматам среди женщин. Это было 13 октября 1988 года. Она потом всё время говорила, что это было 12 числа. Я не спорил, 12 так 12. Это её чёрт попутал, а не меня. Для меня 13 число счастливое. Я родился 13 в пятницу, но в рубашке. Раз родился в рубашке, то бог пришёл благословлять на счастливую и беспечную жизнь. Только занёс руку для крестного знамения, как у него из-под мышки чёрт выглядывает и спрашивает:

– Как мальчонку делить будем, отец родной? Вдоль или поперёк?

– Вместе воспитаем, – сказал бог и благословил на счастливую и беспечную жизнь.

Надо сказать, что действительно прожил жизнь счастливо и беспечно.

Когда свиней держали, один из пятидесяти пяти поросят родился в рубашке. Пока этот кожаный пакет разорвали, у него уже голова из стороны в сторону болтается. Я изо всех сил начал его трясти, живи, поросычья твоя душа: ожил.

Недавно подумал, что мать надо мной всю жизнь дрожала, боялась, как бы чего со мной не случилось. Может, и меня вот так же перед её глазами трясли, а она, бедная, молила бога, чтобы я выжил.

Раньше в словах «родиться в рубашке» был, наверное, такой смысл: если родился в этой рубашке и выжил, значит счастливый.

Только сейчас, на старости лет, понял, что лучше бедная, но добрая мать, чем купающаяся в роскоши стерва.

Но на этом экстримы для матери не закончились. Сколько она пережила из-за меня, когда маленький был, не помню, но в тринадцать лет смерть сидела рядом и ласково гладила по голове, убаюкивала, чтоб крепче спал.

Пришёл из школы. Мать с отчимом куда-то собирались: ждали меня. Они ушли. Через некоторое время мне захотелось спать. Я закрылся и, не раздеваясь, лёг на кровать.

Разбудил громкий стук в окно. Я с отуманенной головой открыл двери и вышел на свежий воздух.

– Я полчаса тарабаню, уже стёкла собирался разбивать, – сказал двоюродный брат Федька.

Я ничего не ответил, у меня началась рвота.

Два дня назад он меня спросил:

– Ты когда на рисунок ходишь?

– В среду к шести.

– Без меня не уходи. Я полшестого подойду.

Хорошо, что он обязательный человек, если что сказал, обязательно сделает. А если был бы несерьёзный человек и передумал бы ко мне идти, нашли бы меня тёпленького. Мать с ума бы сошла. У соседки напротив среднего пацана, пятиклассника, током убило, так она спилась. У неё их трое было, а тут я один.

Что было потом, совершенно не помню. Когда пришла мать с отчимом, когда ушёл Федька, что говорили, ничего не помню.

Бог чёрта к стенке припёр и спрашивает:

– Макака парнокопытная, твои шутки?

– Это я тётке предупреждение сделал, чтоб от мальчишки ни на шаг не отходила, следила за ним, чтоб бесенята его на развратно-паскудные поступки не подбивали. Меня эти недоноски не слушаются, совсем от рук отбились.

Даже из-за мнимой опасности для меня мать в панику впадала.

Как-то пошёл купаться на речку. Пошёл один: я с пацанами не очень любил общаться. Купаюсь, смотрю, чёрная туча надвигается, думаю, сейчас дождь пойдет. Но я пошёл не как обычно через пойму переулками, а направился напрямиком к мосту. Немного пройдя от моста, увидел трамвай, почему-то стоящий за мостом. Вагоновожатая позвала меня.

– Эй, пацан, иди сюда быстреей.

Я подошёл, спросил.

– Что надо?

– Залазь быстреей в трамвай.

Я залез, сел, где она сказала.

Через минуту она принесла мне градину с куриное яйцо, я сначала и не понял, что это такое.

Град кончился, я вылез из трамвая и пошёл пешком домой. Идти надо было всего одну остановку.

Пришёл домой, а мать уже дома.

– Ты где был?

– На речке.

– А когда град был?

– В трамвае сидел.

Вроде так себе незначительное событие, а для неё конец света.

Проводил до остановки. Подошёл автобус, и тут подлый инстинкт размножения отключил сознание, и я залез в автобус.

– У меня проездной, – сказал я, ещё толком не выйдя из бессознательного состояния, как будто она должна была брать мне билет.

У меня нет гибкости мышления. Если у меня какой-то план намечен, то мне очень трудно свернуть в сторону с намеченного пути. Поэтому рядом с ней я всё время думал о турнире. Да и потом добрую женщину в сорок лет в большей степени уважают, чем желают, хотя выглядела она гораздо моложе. Всю жизнь не пила и не курила.

Когда были в Ташкенте у её сына, его сослуживцы приняли меня за его дедушку, наверно из-за того, что у меня была борода. Да и морда была помята от алкоголя и никотина, так что выглядел я лет на двадцать старше неё.

Пока ехали, рассказал про себя, что у меня три дочери. Старшая Люба родилась 20 декабря 1979 года, после смерти матери живёт с её старшей сестрой в пригороде. У Людмилы Александровны две совсем маленькие. Инна родилась 22 мая 1986 года, а Лена 4 июня 1987 года.

Утром на работу поехали вместе. После работы пошёл на турнир, после турнира поехал к Людмиле Александровне. Родину звали Людмила Алексеевна: я их потом часто путал. Приедешь к Людмиле Александровне – называешь её Людмилой Алексеевной, а Людмилу Алексеевну называешь Людмила Александровна.

Когда пришёл к Людмиле Александровне после турнира, сказал, что ночевал у себя в пригороде.

Сейчас толком не пойму, как я с ней жил: то ли как гражданский муж, который когда захочет, тогда придёт, то ли как любовник, который каждый день ходит ночевать. А какой с меня нахрен любовник: она то беременная, то после родов.

Детей она записала на себя, чтобы получить квартиру как мать-одиночка. До тридцати лет не рожала, даже думала, что она бездетная. Может, я ей нужен был как производитель.

Людмила Александровна как-то равнодушно отнеслась к моим участвовавшим ночёвкам «дома». Хорошо, что это болтание туда-сюда быстро кончилось. В пьяном виде как-то от Людмилы Алексеевны позвонил Людмиле Александровне, Людмила Алексеевна сидела рядом и запомнила номер телефона и потом позвонила той.

Я, ничего не зная, приезжаю к Людмиле Александровне, правда, выпивши, она закатила скандал, её мать вызвала милицию, и те посадили меня на пятнадцать суток.

Вышел из КПЗ, позвонил Людмиле Александровне, она сказала, что между нами всё кончено.

Тогда поехал к Людмиле Алексеевне: я ей из КПЗ звонил, она мне туда сигареты привозила. Стал жить у неё. Как-то и в голову никогда не приходило спросить у Людмилы Алексеевны, о чём она разговаривала по телефону с Людмилой Александровной.

Через месяц послал Людмиле Александровне сто рублей, типа алименты. Потом через некоторое время позвонил, она сказала, что отправила деньги назад, на почту. На почте девушка очень удивилась, когда я показал ей паспорт и сказал, что мне перевод.

Дети должны жить с матерью, если получается так, что родителям приходится разойтись. Мужчина должен оставить детей матери, разумеется, если она не наркоманка и не алкоголичка. Когда читаешь или смотришь о судебных процессах, где богатый отец отбирает у матери детей, ссылаясь на то, что она хоть и очень хорошая мать, но не может дать ребёнку того, что может дать богатый отец... Хорошая и добрая мать, пусть даже бедная, может дать то, что потом ни за какие деньги нельзя будет купить и чему ни в каких университетах не научат. И отобрать у нормальной, хорошей женщины детей – это ещё подлей, чем бросить её с детьми без средств к существованию.

Больше мы с Людмилой Александровной не виделись. Изредка, под пьяную лавочку, звонил ей, но она трубку сразу бросала.

По манере отношения с мужьями психологи делят жён на две категории: жена-дочка и жена-мать. Это, наверно, когда жена капризная, взбалмошная, и муж терпит от неё всякие гадости, то это жена-дочка. Когда же жена терпит от мужа всякие гадости, то это жена-мать.

Людмила Алексеевна была жена-мать. Она говорила, что у неё все мужчины были младше неё.

Я не скажу, что семнадцать или девятнадцать лет мы были двадцать четыре часа вместе, потому что если представить, сколько она времени толчётся на кухне каждый день, а летом пропадает на огороде, то будет меньше, чем двадцать четыре часа, а часов восемнадцать или двадцать мы были вместе, рядом.

Мы не надоедали друг другу, у нас не было желания иметь какое-то личное пространство, хотя в доме было четыре комнаты, не считая кухни: зал и три спальни. Но раз в полгода у меня возникало желание побыть один день без неё. Хотелось поехать в парк: поиграть в шахматы, попить пива, как летом в 87-м году, когда получил материно наследство. Сидел без работы: тогда с при-

городной пропиской в городе на работу не брали. Всё лето с утра до позднего вечера пропадал в парке.

Но отлучки раз в полгода сводились к прозаическому пьянству.

Она, наверно, так и не привыкла к моим внезапным отлучкам раз в полгода.

Один раз пропал на два дня.

Прихожу, а она тихо спрашивает:

– Где же ты был?

Я хоть слегка шатаюсь, но отвечаю честно:

– Если бы я знал, я бы тебе сказал.

Она знала, что другие женщины меня не интересуют.

На вокзале некоторые бабёнки хотели бы со мной пофлиртовать, а возможно, и переспать. Главная цель была сделать гадость красавице. Если некрасивая уводит у красавицы мужика, то это для не красавицы, наверно, многое значит.

Весной 89-го я увидел у Людмилы Алексеевны на огороде небольшой участок, шесть на восемь, где растут тюльпаны. В апреле появились бутоны. Я предложил продать их. В субботу утром взяли две охапки цветов и поехали на вокзал: напротив вокзала был цветочный ряд, да он и сейчас там есть. Встали скромно с самого края. Подошли торговки и нахрапом начали: «Это наш прилавок, и посторонним мы тут торговать не разрешаем, идите отсюда». Мы люди скромные, с хамками спорить не стали и пошли на вокзал.

Пока продавали цветы, Людмила Алексеевна познакомилась с торговками. Спросила у одной бабёнки, которая торговала мантами, можно ли ей торговать мантами. Та сказала, что делай и приноси.

Начали делать манты. Верней, делала она, а я только носил.

Через две недели или чуть позже нашего знакомства её сына призвали в армию. Она очень переживала, что его направят в Афганистан.

Я ей категорически заявлял, что ни в какой Афганистан он не попадёт. Предложил даже погадать на картах или кофейной гуще. От гаданий она отказалась, но долго ещё меня спрашивала, отправят его в Афганистан или нет. Я утвердительно, без тени сомнения, говорил, что не отправят. Мне хотелось хоть на несколько месяцев её немного успокоить. Он был в Каты-Кургане, в Узбекистане и, наверно, прямым ходом должен был попасть в Афганистан, но Горбачёв объявил о выводе войск из Афганистана, и его сразу отправили служить в Ташкент.

Через год к нам домой приходит лейтенант из военкомата и спрашивает:

– Где ваш сын?

– Он у вас в армии служит, – сказала Людмила Алексеевна.

– Нет его в части, в самоволку ушёл.

– Дома его тоже нет.

Когда отсидел на гауптвахте и позвонил, она засобиралась.

– Всё! Поехали в Ташкент.

Хорошо, что он не на Чукотке служил, как брат его жены. Да она бы и на Чукотку полетела.

Съездили, повидалась с сыном, немного успокоилась.

Она тряслась над ним не хуже моей матери.

В 1974 году решил поехать в Ленинград. Мать была против этого и спрятала все мои документы. Я поехал без документов, но в Москве меня посадили в приёмник-распределитель для выяснения личности. Мать, когда узнала об этом,

взяла мой паспорт и сразу полетела в Москву. Не стала дожидаться оформления бумаг, по предъявлению паспорта сразу забрала меня.

Я думал, что раз сюда на самолёте прилетела, то и обратно на самолёте полетим. Я не знал, что она панически боится летать на самолёте. Запричитала, что не дай бог, ни в коем случае, только на поезде. На поезде так на поезде.

Когда сына отправили служить в Ташкент, авторитет моего мнения в глазах Людмилы Алексеевны поднялся, но не настолько, чтобы с ним можно было считаться. Она как женщина современная, самостоятельная, привыкшая жить без мужа, старалась делать всё по-своему, даже когда я говорил, что надо сделать немного по-другому.

Мужчина никогда не должен подчёркивать женщине превосходство своего ума. Если ум мужчины действительно того стоит, то женщина его и заметит, и оценит. Меня, допустим, не волнует то, что она делает по-своему, я могу и забыть то, что я ей предлагал: у меня в голове в это время могут быть совсем другие, более стоящие мысли.

Когда мы с ней познакомились, она была слишком уж аккуратистка, излишне тщательно следила за собой. Боялась сделать какую-нибудь ошибку или промах, была зажатая, скованная: я тогда не знал, что это следы психологической школьной травмы. Но видя, что я на её ошибки и промахи совершенно не обращаю внимания, она стала более раскованная, спокойная.

Она тоже никогда не напоминала мне о моих глупостях и нелепостях, которые я делал.

Однажды на базаре проиграл все деньги, которые заработали на вокзале до обеда. Людмила Алексеевна сидела у тётки, материнной сестры, в магазине – та работала продавцом в магазине.

Пришёл в магазин, говорю:

– Проиграл деньги.

– Все? – спросила Людмила Алексеевна.

– Все.

Тётка запричитала:

– Ой, что наделал!

– Пошли, – сказала Людмила Алексеевна, чтобы не слушать тёткиных причитаний.

– На эти деньги ты пьёшь две недели, так что не будешь пить две недели, – сказала Людмила Алексеевна, выйдя из магазина.

Пришлось согласиться, а куда деваться.

После она никогда не упоминала об этом факте в моей биографии.

Она тоже однажды чуть не сделала большую глупость. Соседка посоветовала ей положить деньги в Смагулова под большие проценты.

Я категорически сказал: «Нет». Предпочитал вкладывать деньги, как советовал Карл Маркс: «Товар – деньги – товар».

Её моё категорическое нет по поводу Смагулова удивило. Но ругаться она не умела, да ей это было невыгодно: она знала, что я в любой момент могу уйти от неё. Она видела, с какой лёгкостью я оставил двоих совсем маленьких детей, и что причиной и виною отчасти была она. Но в мелочах подчёркивала мне, что она мной недовольна.

Принесёт тарелку супа, я спрашиваю:

– А ложка где?

– Сам взять не можешь?

Думаю, что это: бунт на корабле или буря в стакане воды? Мысль уже в голове промелькнула, что, может, от неё уйти, но во-первых, это была глупая мысль, а во-вторых, уходить было не к кому.

Однажды к ряду подошёл невзрачный мужичок, поставил перед нами сумку и говорит Людмиле Алексеевне:

– Бери за тысячу рублей.

Тогда, не образно выражаясь, деньги мешками таскали.

Вышла из-за прилавка, стала рассматривать, что там в сумке. Тарелки, ложки, почти новый мужской костюм, я его потом лет пять таскал, и двухкассетный магнитофон.

Алик, парень, который торговал водкой, как увидел магнитофон, сразу подскочил:

– Мужик, давай я у тебя за две тысячи возьму.

Мужичок ему спокойно отвечает:

– Мне сказали продать этой женщине и за эту сумму.

Алик сразу отскочил. Он знает, что с людьми, которые дали мужику продать сумку, шутить не стоит.

На следующий день пошёл покупать кассету.

Продавщица говорит:

– Девятьсот рублей.

Эти женщины такой суеверный народ. Как-то после второго развода ей нагадали, что она выйдет замуж в сорок лет, и что мужа будут звать Коля, у неё на левой голени родинка в форме буквы К. Возможно, когда сильно пил, у неё и были мысли выгнать меня, но ей было меня жалко, а вдруг я совсем сопьюсь и подохну под забором.

А может, я и не самый худший вариант в её жизни. Если женщина сходится с мужчиной в сорок лет, то она его сравнивает не с какими-то идеалами, как в восемнадцать лет, а с вполне реальными мужчинами, которые у неё были.

Мы с Людмилой Алексеевной были очень похожи, только она круглолицая, а я худой, а глаза один в один, но я таскал очки от дальнозоркости и стекла, увеличивая, делали глаза неправдоподобно большими.

Как-то вхожу в вокзал. Навстречу парень с девушкой.

– Глянь, какие глаза, – говорит парень с таким видом, как будто мои глаза достопримечательность вокзала «Алма-Ата 1».

Когда у неё умер отец, мы зашли в один магазин: она в трауре, убитая горем, я с пожизненным выражением лица «в mnogой мудрости – много печали».

Она попросила десять палок сервелата.

– Ой, у вас муж умер? – спросила продавщица.

– Нет, отец, – ответила Людмила Алексеевна.

Продавщица приняла меня за её брата. Мы её разубедить не стали.

Почему-то считается, что рядом с красавицей должен быть мужчина ну хотя бы шикарно одетый.

Она родилась в Новосибирске, но когда ей было десять лет, родители переехали в Алма-Ату, разумеется, вместе с ней. Родители не подозревают, какая это большая психологическая травма – потерять в таком возрасте родину.

Конечно, в восемнадцать лет молодые люди сами мечтают покинуть эту опостылевшую малую родину. Но в десять лет это большая душевная травма.

Меня тоже после четвёртого класса перевезли из Воронежа в Сибирь. Иногда плакал во сне, так хотелось назад. Детская тоска по родине делает, наверное, душу чище, благородней. Кроме тоски по родине тут есть ещё одна беда. Ребёнок попадает в чужой коллектив.

Неприязнь к новичку, она на физиологическом уровне. Когда у белых свиней поросята немножко подросли, я сделал в стенках маленькие отверстия, чтоб поросята могли выходить из клетки на улицу. Сделал общий загон, чтоб по всему огороду не разбредались. Когда загонял их в клетки и какой-нибудь поросёнок со страху заскакивал не в свою, то поросята, которые там живут, сразу его оттуда выгаливали. И ведь сразу определяют, что это не их – чужой. А какой он им чужой: папа у них общий, мамы родные сёстры, а соображают, сволочи, что из другой клетки.

Когда в Сибири жили, держали корову, свиней, баранов, кур. Мать под курицу утиное яйцо подложила. Вывелись и цыплята, и утёнок. Ни курица, ни цыплята не считали утёнка чужим. Хотя уже по внешнему виду отличались: они жёлтые, а он чёрный. Жирный, собака, стал, пока цыплята клювиками корм долбят, этот как лопатой подгребает. Во дворе бочка с водой стояла, решил утёнка познакомить с родной стихией. Куда там: крикает, крыльями машет, наверное, боялся утонуть.

Когда переехали в Сибирь, мать специально купила корову, чтобы я питался нормальным молоком.

Мать меня родила в двадцать восемь лет, как говорят женщины, «для себя». До двух лет кормила грудью. Сидела в декретном отпуске, одна, без мужа, родственников тоже рядом не было: может быть, и самой не всегда было что поесть. Потом перевела меня на магазинное молоко. Коровье молоко было основным моим питанием на протяжении всей моей жизни. Я выпивал по три, по четыре литра молока в день.

Людмила Алексеевна с грустью говорила:

– Как же я обрадовалась, когда увидела, что ты пьёшь только молоко.

Они жили на улице Тесленко недалеко от остановки Сельская. Даже сейчас это окраина Алматы, а что уж говорить о том, что там было пятьдесят лет назад...

Про ту школу, в которой она училась с четвёртого класса, она ничего не рассказывала. После окончания седьмого класса её перевели в школу, которая находилась на пересечении улиц Калинина и Дзержинского.

Её отец работал в магазине «Столичный» в мясном отделе. Кто-то из покупателей, чтобы брать у него самые лучшие куски мяса, посоветовал перевести дочь в эту школу, мол, она самая лучшая в городе, и там учатся практически дети одних начальников.

Родители не подозревают, что ребенок, перейдя в другую школу, оказывается в стрессовой ситуации.

Что и произошло с Людмилой Алексеевной, вернее, с Фединой Людой. Суть не в том, была ли она гадким утёнком или уже стала красавицей. А если была красавица, то тем хуже для неё.

Изо дня в день ждать подвоха, издёвок: стараться не делать ошибок и промахов – это даже для взрослого тяжело.

Эти детские психологические травмы остаются у человека на всю жизнь.

У неё выработалась тактика, что, придя в школу, она садилась за парту и ни на кого и ни на что не обращала внимания. Тогда те тварёшки уже всеми силами начинали издеваться над дочерью технички. Она говорила, что дочери технички было ещё хуже, чем ей.

Эта манера поведения осталась у неё на всю жизнь.

Кажется, зимой с 95-го на 96-й мы собирали деньги на газовый счётчик. Я сидел без работы, она работала домработницей.

Как-то я её спрашиваю:

– Сколько там не хватает, чтобы счётчик купить?

– А я деньги сыну отдала. Он сказал, что они ему очень нужны.

Тут я взорвался, накричал на неё. Она сидела молча, смотрела на стол.

Другая на её месте возмутилась бы: «Ты сидишь без работы, я тебя кормлю, собираю деньги, а ты ещё орёшь на меня».

Я учился в одном классе вместе с Толиком и Сашкой – наверное, мать договорилась, чтобы я вместе с ними учился.

Толик – сын материной сестры Елены Фёдоровны, Сашка – внук Евдокии Фёдоровны, а Фёдька – сын Анны Фёдоровны.

Где-то в классе шестом один пацан подходит ко мне на улице и спрашивает:

– А Фёдька Косинов тебе кто?

– Брат двоюродный.

– Тогда понятно.

А я не понял, что ему понятно. Я тогда не знал, что Фёдька коноводил уличным хулиганьём в нашем районе.

В школе меня никто даже очкариком не называл.

После окончания восьмого класса я влюбился в соседку, которой уже было восемнадцать. Она жила напротив, через дом, с левой стороны.

У Репина есть портрет молодой красивой девушки в профиль, очень похожей на неё. Её звали Люда.

Мечта детских лет крепко сидит в башке, а тут ещё неожиданная любовь. Я целыми днями и вечерами пропадал под её окнами. Она, конечно, знала, что я в неё влюблён: любой девушке приятно, когда кто-то в неё влюблён.

Изредка, можно сказать, совсем уж очень редко, она выходила вечером на улицу, и мы тогда целый вечер болтали, сидя на лавочке возле её дома.

Рядом с ней я был совершенно спокойным и вёл себя немного развязно, но развязно в смысле слов, а не действий. У меня и в мыслях не было, чтобы обнять её или поцеловать: в голове крепко сидела установка, что сексуальную жизнь начну с двадцати лет.

Первая любовь должна быть платоническая, без всяких сексуальных заморочек.

В детстве или в подростковом возрасте она была влюблена в артиста Вячеслава Тихонова, после просмотра кинофильма «Мичман Панин». Я, конечно, не похож на Тихонова, но какое-то сходство есть, особенно в характере.

После окончания восьмого класса она сказала родителям, что будет поступать в техникум, хотя мечтала поступить в медицинский институт.

Ей просто-напросто надо было вырваться из этого гадкого класса.

Она обязательный человек, и если кому что обещала, то обязательно исполнит.

Раз она обещала родителям, что поступит в техникум, то, следовательно, они ждут от нее, что она его окончит.

После окончания техникума в медицинский, наверное, не прошла по конкурсу. Ей трудно давались точные науки: математика, физика, а языки и гуманитарные науки давались легко. Это, наверное, всё-таки свойство женского мозга – не любить математику. Мне математика давалась легко, но математичка ставила мне по алгебре и геометрии четверки, чтобы пятёрками не вносить диссонанс в табель об успеваемости.

Она пошла работать страховым агентом и пошла учиться в вечернюю школу. Наверное, чтобы сделать хороший средний бал в аттестате.

Я тоже учился в вечерней школе, но у меня была другая ситуация. Надо было идти в девятый класс, а в голове грандиозные мечты, любовь, так что места для учёбы в голове не осталось.

Первого сентября пошёл в школу, но как-то получилось так, что прошёл мимо школы к дому культуры и там просидел на скамейке до обеда, пока ученики не пошли из школы домой. Тогда и я пошёл домой.

После восьмого класса многие забирали аттестаты – кто поступал в техникум, кто в училище, и меня хватились, что я должен учиться в школе, когда кончилась первая четверть.

Любовь в скором времени вышла замуж и уехала. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Чувства остыли, осталась одна мечта стать художником.

Мечтал стать художником, а у художников, как и у музыкантов, талант на кончиках пальцев. Они должны ежедневно работать по несколько часов в день. Я же порисую минут пятнадцать-двадцать, и то не каждый день, потом предаюсь мечтаниям, какие красивые картины я буду писать, потом читал.

Вот читать я никогда не уставал. Читал практически всё подряд. Тогда учебники обёртывали газетой. Книгу, которую читал, тоже оборачиваю газетой. Это для того чтобы мать меня лишний раз не тревожила. Она женщина безграмотная: ни читать, ни писать не умела. Захочет меня за хлебом послать, заглянет в мою комнату, думает, что у меня учебник в руках, и сама идёт за хлебом. Ей вообще-то было без разницы, как я учусь: хорошо или плохо.

Как-то прихожу домой пасмурный. Спрашивает:

– Что случилось?

– Две двойки получил.

– Не переживай. Оставят на второй год, на год позже пойдёшь работать.

После окончания учебного года выдали справку об окончании девятого класса вместе с аттестатом о восьмилетнем образовании.

Мать повела меня в лесотехнический техникум.

– Нам на планово-экономическое отделение, – сказала она в приёмной комиссии.

– Нет, вам лучше на технологию лесозаготовок, – ответили ей.

Тогда парней в бухгалтерию, в педагогику старались не пускать.

Мне было без разницы, где учиться, техникум я всё равно бросил.

Мать уговаривала:

– Сынок, кончи техникум. Поедем в леспромхоз, купим корову, женишься.

– Нет, мать. Поеду поступать в художественное училище.

– И где оно, это художественное училище?

– Одно в Пензе, другое в Алма-Ате.

– Поедем в Пензу.

Сначала заехали в Воронежскую область к родственникам. Зашли в соседнюю деревню к учителю, у которого она с начала войны нянчила детей. Ей в сорок первом было шестнадцать лет.

Оказалось, что дочка его живёт в Пензе, а сын в Узунагаче под Алма-Атой. Мать сказала, что заедем в Пензу, а может, и в Алма-Ату. Он дал их адреса. В Воронеже заехали к бывшей соседке по коммунальной квартире. У нас, наверное, была не типичная коммуналка. Самую большую комнату в двадцать пять квадратных метров занимала мать со мной: ей дали такую большую комнату не потому, что она мать-одиночка, а потому, что работала на стройке штукатуром-маляром. Во второй на шестнадцати квадратных метрах жила молодая семья с двумя детьми: им, наверное, дали комнату, когда у них не было детей. В третьей такой же маленькой жил офицер, которого я никогда не видел.

Я не знаю, дружила мать с соседями или нет, но они нуждались друг в друге. Допустим, соседям вечером захочется в кино сходить, а мать за детьми присмотрит: ей какая разница, со мной одним сидеть или с тремя.

Летом ходил гулять на улицу и оставлял квартиру открытой. Мать сказала, что так нельзя, я согласился. Чтобы не оставлять квартиру открытой, стал ходить на улицу через балкон по пожарной лестнице, которая была в полуметрах от балкона. Жили мы на четвёртом этаже.

Мать не то что меня никогда не ругала, она даже никогда голос на меня не повышала.

В третьем классе с приятелем купили пачку сигарет, пришли к нам домой и всю выкурили. Мать приходит с работы домой, спрашивает:

– Кто у нас был?

– Никого не было.

– А кто курил?

– Я курил.

– Нельзя курить.

Нельзя так нельзя, до девятнадцати лет не курил.

Это хорошо, что родного отца не было, а то бы это событие послужило хорошим поводом для проведения воспитательной работы. Я, впрочем, никогда не страдал, что у меня родного отца нет.

Ездили ещё по каким-то знакомым, потом мать спросила: не хотел бы я познакомиться с отцом? Я отказался, сославшись на то, что устал. Какой толк мне смотреть старого сорокашестилетнего лысого мужика. Почему-то я предполагал, что он лысый. Если бы он был лысый, то и у меня на голове намечались бы какие-нибудь прогалины.

Людмила Алексеевна рассказывала, что её отец пристально рассматривает свою голову в зеркале.

– Что ты там разглядываешь? – спросила она его.

– Лысею, наверно, – ответил он.

– Дурак ты старый. У тебя обеих ног нет, а переживаешь, что в шестьдесят лет полысеешь.

В Пензе заехали к дочке учителя. Прожили у неё неделю. Мать ходила, искала подходящие по цене дома, но ничего не нашла.

В училище, посмотрев мои рисунки, сказали, что надо сначала походить на подготовительные курсы, а потом поступать.

Дома в Пензе дорогие, поэтому мать продала дом, и мы поехали в Алма-Ату. В училище у меня документы не приняли, сказали, что раз ты бросил техникум, то бросишь и наше училище.

Я решил поступать в архитектурно-строительный институт на отделение черчения и рисования. В аттестате о восьмилетнем образовании по черчению у меня была пятерка, а по рисованию почему-то стояла четвёрка.

Но смысл жизни как-то всё равно потерял. Поиском смысла жизни занимается философия. Надо искать смысл жизни: буду поступать на философский факультет.

Осенью пошёл в вечернюю школу и устроился работать кочегаром.

В школе занятия не пропускал, нужна была хорошая репутация. Директор школы, хороший мужик, кореец по фамилии Сон, поставил мне в аттестате только две четвёрки – по русскому языку и литературе.

Подготавливался серьёзно: времени было много, сутки работал, двое дома, да и на работе тоже свободное время было.

Вызубрил весь школьный курс русского языка, все правила и исключения, все исторические даты, которые необходимо было знать, прочитал все литературные произведения от Пушкина до Шолохова, которые требует школьная программа.

Обычно школьники равнодушно относятся к произведениям, которые изучаются в школе, им эти произведения кажутся скучными и нудными. Я тоже сначала читал по необходимости, но потом – с увлечением.

Вот же чем надо заниматься: не живописью, а литературой!

На философский факультет не прошёл по конкурсу. Я как-то не подумал, что у меня нет никаких шансов поступить на философский факультет.

Сочинения я всегда писал только на тройки. По иностранному языку после вечерней школы ставили автоматом тройку, если не хочешь сдавать экзамен. Поэтому на заочное отделение я решил поступать на филологический факультет, потому что там самый маленький конкурс.

Сочинение написал, как и положено, на тройку. Если бы проверил ошибки, то получил бы четвёрку, но ошибки я никогда не проверял, и потом, мне всегда было неприятно перечитывать то, что я написал.

На устном экзамене по русскому языку и литературе ответил на все три вопроса, как говорится, без сучка и задоринки. Экзаменаторша видит, что за сочинение у меня тройка, задаёт ещё два вопроса, на которые я, не задумываясь, отвечаю, но ставить пятёрку у неё не поднимается рука. Она отправила меня к другому преподавателю, которая сидела почему-то не в аудитории, а в коридоре. Она задаёт ещё два вопроса: я отвечаю так же, не задумываясь.

– Отлично, – сказала новая экзаменаторша.

Открывает экзаменационный лист и ставит четвёрку.

Если бы они задали мне ещё два вопроса по литературе, то получилось бы, что я ответил отлично на три билета.

Я, ругаясь, конечно, не матом, прохожу мимо абитуриентов. В молодости к несправедливости я относился не так спокойно, как сейчас.

– Ой! Что, двойка?

– Нет, четвёрка, – сказал я, даже не посмотрев на неё.

Историк тоже поставил четвёрку, чтоб не нарушать гармонию чисел. Некрасиво смотрелось бы три, четыре, три, пять. Если бы было три, пять три, то он даже из эстетических соображений поставил бы пять.

Проходной бал был восемнадцать, и этих оценок для поступления хватало. Но после второго курса бросил, напечатал несколько крошечных рассказиков и решил стать писателем, а учёба очень мешала писанию рассказов.

Надо было что-то выбирать.

Я тогда не знал, что кого попало, с улицы, в серьёзных журналах не печатают. Летом 79-го года послал маленький рассказик в Москву, в «Литературную газету». Через месяц напечатали: идея и сюжет мои, а фамилия чужая.

Я понял, что в литературу меня не пустят.

После окончания вечерней школы Людмила Алексеевна поступила в институт иностранных языков на факультет французского языка и литературы. Тогда она была замужем второй раз, первый раз вышла в девятнадцать лет, надоело в девках сидеть.

Ей говорили до замужества, что первый её муж непутёвый человек, но она всё равно вышла за него. Две недели он лишал её девственности, через три месяца она с ним развелась. Главное для неё было выйти замуж и стать женщиной.

После третьего курса родила ребёнка. Родила десятого августа, и поэтому не стала брать академический отпуск.

С ней легко было расставаться. Она не билась в истерике, не орала, что умрёт без него, не грозила покончить жизнь самоубийством. Тихо ждала, когда он уйдёт.

Она говорила, что с Родиным её развела свекровь. Вряд ли виновата в этом была одна свекровь. Но, как бы там ни было, после развода с ней он женился на некрасивой.

Потом жила с милиционером, но отношения уже не регистрировала.

После окончания института год проработала в школе, но ушла оттуда к матери в пивную: она тогда не знала, что некрасивые женщины красавиц ненавидят. Там она долго тоже не проработала.

Рассказывала:

– Вызовут на собрание и отчитывают за недолив, как школьницу, а недолив этот у них же в карманах. Впрочем, за недолив и сажали.

Александра Михайловна, мать Людмилы Алексеевны, шутя, говорит начальнику ОБХСС:

– Ты как-нибудь в гости зашёл бы.

– Да что к тебе заходить? У тебя в зале, кроме старого круглого стола, ничего больше не стоит.

Обычно судили тех, у кого, как говорится, дом полная чаша: хрустальные люстры и вазы, золото и бриллианты, импортная мебель и импортные шмотки, кто имел по несколько сберегательных книжек, по советским меркам зажрался.

Судили показательным судом, чтоб все видели, что жить надо честно и по средствам.

А тут что? В дом никакой обстановки специально не покупали. Деньги в трёхлитровой банке прятали в сарае в уголь.

– Даёшь и директору общепита, и главному бухгалтеру, и начальнику ОБХСС, и пожарным, и санэпидемстанции.

Сказала, что лучше будет сухую корку глотать, чем работать в пивной.

Только в восемьдесят пятом году купила три импортных мебельных гарнитура: один гостинный и два спальных. Кухонный гарнитур она взяла, наверно, раньше.

Стала выращивать цветы. Когда мы с ней познакомились, у неё была полная теплица хризантем. Вместе возили продавать цветы на Калинина, в цветочный ряд.

Потом переделали теплицу под свинарник.

Когда ей было тридцать лет, у её матери случился инсульт, и она десять лет пролежала парализованная. Людмила Алексеевна, разумеется, ухаживала за ней.

Когда стали торговать очками, то приходилось таскать коробку с очками и складной стол из дома. А из нашего переуллка до остановки чуть ли не с полкилометра.

Торговля была хорошая, а она женщина экономная, деньги куда попало не тратила. Решили купить машину. Купили «Жигули», тройку. Мне уже было сорок пять: в таком возрасте уже трудно научиться чему-нибудь очень хорошо, так что ездил я безобразно. Как-то вёз мужиков в аэропорт, а там спуск с поворотом. Надо было сбросить скорость, но я об этом поздно подумал, так что не стал дёргаться и на скорости вошёл в поворот. Мужики до этого разговаривали между собой, а тут замолчали.

Когда вышли из поворота, говорят:

– У нас жёны, дети: нам хотя бы ради них стоит жить.

Людмилу Алексеевну спрашивали:

– Ты не боишься с ним ездить?

– Боюсь.

– А если разобьётесь?

– Вместе же разобьёмся.

Но машину всё-таки разбил. Ехал по Ауэзова вверх и решил проскочить Абая на жёлтый свет. А там посреди улицы деревья растут, и девка, не видя меня, выехала на жёлтый.

Я когда увидел её «Мазду», только и подумал:

– Хана машине.

Хорошо, что машины стукнулись фара в фару. Качнуло, как на волне.

На Абая гаишники стояли на светофоре. Подошли к ней, взяли у неё права и уехали.

Она позвонила по сотовому телефону домой. Приехал её папа, вызвал ещё гаишников. Те отправили меня на экспертизу. Экспертша с порога сказала мне, что я пьяный, хотя я каждый день тогда таксовал и спиртного вообще не употреблял.

Думаю, да и чёрт с вами. Позвонил сыну Людмилы Алексеевны. Я в машинах не разбираюсь, не знаю, что с ней делать. Он приехал, поднял с асфальта аккумулятор, поставил его на место. Монтировкой отогнул крыло от колеса. И потихоньку спустились к нему домой до Ташкентской. К нам на первую Алма-Ату не доехали бы. Радиатор разбит, без воды двигатель заporоли бы.

Приехал поздно вечером домой сказал, что машину разбил.

– Ну ладно, что теперь сделаешь. А почему не позвонил? Я волнуюсь.

Возможно, в глубине души она была рада, что я разбил машину и ей не надо теперь волноваться каждый день из-за того, что я могу разбиться на машине.

– Не до телефона было.

Я этой дуре из экспертизы говорю:

– Дай телефон, я жене позвоню, скажу, что в аварию попал.

Та на меня дико посмотрела.

Это было в воскресенье, а во вторник ко мне приехал майор из ГАИ.

– Вы не были пьяны, поэтому вас не надо лишать прав.

Оказывается, они в понедельник выяснили, что они в таком случае по моей страховке ничего не получают.

С января 94-го по июнь я не пил совсем. Людмила Алексеевна рада этому, но она не предвидела другой проблемы. Я начал читать газеты. Вроде бы ничего страшного, но одна статья меня зацепила.

И напечатана в бульварной газетёнке, и размером с ладошку, но писалось там о том, что интуиция – это ясновидение, чревовещание ну и прочая ерунда.

Я, конечно, интересовался этими вопросами для своих личных целей. Но, извините меня, впаривать такую чушь людям – это уже чёрт знает что.

Обложился литературой и начал писать статью о том, что интуиция – это всего-то навсего бессознательное, произвольное мышление.

Творческий человек, когда что-нибудь делает с вдохновением, он ничего вокруг себя не замечает.

У нас тогда коробок сорок сигарет стояло.

К концу декабря я написал статью. Статья для газет была очень большая, двадцать четыре страницы формата А4; правда, написанная крупным почерком, чтобы легко было читать.

Сорок коробок сигарет как-то незаметно для меня растаяли. Верно говорят, что бизнес и творчество – две вещи несовместные.

Вместе с Людмилой Алексеевной возили статью по редакциям, некоторые редакторы её даже в руки не брали.

– Это, ребята, хамство. Зря вы считаете, что это ваше последнее слово. Я ещё с вами повоюю, так что ждите в гости.

В это время мне перевалило за сорок, как пишут психологи, кризис среднего возраста, когда подводится промежуточный итог, что хотел и чего достиг. Многие в сорок лет заводят молодых любовниц, полагая, что ни на что большее они не способны. Затащить женщину в кровать, если она сама туда бежит, – это не так уж и сложно.

Как говорила одна героиня: «В сорок лет жизнь только начинается». В сорок лет самое время начинать серьёзные дела, особенно если до этого занимался всякой ерундой.

Я не помню, когда у неё начали болеть ноги. Но последние пять лет, а может, и больше, я на базар ходил один. Она пишет список, что надо купить, сколько и почём. Подсчитывает сумму. Давая список и деньги, грустно говорила:

– Всё равно ты меня обманешь.

Я, конечно, говорю, что у меня и в мыслях такого нет, чтобы её обманывать. Беру список, деньги и еду на базар.

Больше всего на базаре я люблю покупать сёмгу. Раньше даже не смог бы представить, что буду так равнодушен к какой-то там сёмге.

За обедом она часто говорила:

– Ешь сёмгу.

Я отвечал ей замызганной фразой:

– Боливар двоих не выдержит.

Она прекрасно знала, что каждому своё: ей – сёмга, мне – водка.

За сёмгой я подхожу в последнюю очередь, когда уже всё купил, чтобы точно знать, сколько мне нужно до двух чекушек: сто или сто пятьдесят грамм сёмги.

Когда прихожу домой, она берёт чистый лист и записывает, что купил, сколько и почём.

Я начинаю перечислять:

– Картошка пять килограмм по пятьдесят тенге. Хотя взял четыре с половиной по сорок пять. Рис килограмм по двести двадцать. А там восемьсот и по двести. Семга кило четырёхста по две тысячи. Хотя там кило двести пятьдесят по тысячу девятьсот.

Ну и так далее. Закончив перечисление, отдаю ей сдачу, и она начинает считать. Всё сходится до копеечки, то есть до тенгушки.

Она смотрит на меня как на фокусника: знает, что обманул, но красиво обманул. Она не догадывается, что для подсчета надо сделать три или четыре арифметических действия.

Я, конечно, мог бы делать и проще, сказав небрежно:

– Ты там в конце своей сметы допиши бутылку водки.

Она, грустно посмотрев на меня, молча дописала бы.

Я тогда работал дворником: получал тридцать две тысячи, а ей сказал, что двадцать пять, потому что до этого в другой организации получал двадцать пять.

Она тогда не совсем уж плохо ходила. Могла бы потихоньку дойти со мной до банкомата и посмотреть, а сколько у меня денег на карточке. Но, во-первых, это было ниже её достоинства – ловить кого-либо за руку, а во-вторых, она была женщина экономная, и денег, сколько давал я плюс столько же с квартирантов, на жизнь хватало, и ещё даже что-то откладывала.

До того как у неё начали болеть ноги, её сын вместе с женой и дочерью переехали жить в Россию. Быстро получили российское гражданство, так как жена его родилась в России.

После его телефонных звонков она тихо плакала.

Так как я быстро пьянел от малого количества водки, то зачатки на умеренное питьё мне хватало.

Потом пить пришлось бросить совсем. Два или три года совсем не пил: надо было делать ей уколы. Сначала по три укола в день, а потом и по пять.

Лекарства в шприц она набирала сама.

Как-то незаметно у неё отекли ноги: с них начала сочиться жидкость.

Как-то спрашивает:

– Ты меня не бросишь?

Может быть, и не бросил бы. Мне тогда некогда было об этом думать.

Когда бросил пить, извилины засутились, спрашивают друг у друга:

– А по какому поводу не пьём?

Я им объясняю, что нельзя: надо делать уколы, а какие уколы с трясущимися руками.

Они мне резонно в ответ:

– Если нельзя пить, тогда надо думать. Придумывай, о чём будем думать.

От литературы я устал, в шахматы играть – партнёра нет, решил заняться математической чепухой.

Как-то ей говорю:

– Вот смотри: неполный квадрат семь в третьей степени у чисел девятнадцать, восемнадцать и один, а неполный квадрат семь в девятой степени у чисел шесть тысяч восемьсот три, пять тысяч семьсот семьдесят семь и тысяча двадцать шесть

Но ерунда вся состоит в том, что сумма нечетных чисел девятой степени: есть тридцать семь, умноженное на двадцать и умноженное на семнадцать. Я проверил и семь в восемнадцатой, и семь в двадцать седьмой – то же самое, кроме этого проверил ещё с десяток чисел, но если самое большое число – чётное, то уже разность нечётных чисел будет произведением сумм и разности.

– У меня болит голова, – сказала она, намекнув на то, чтобы я прекратил болтовню.

Часто вызывали скорую помощь: у неё было высокое давление. Когда были врачи, я сидел на диване, который стоял напротив дверей спальни.

Когда она протянула мне ключ от шкафа, где хранились наши документы, увидев пять или шесть золотых колец, золотой браслет, девяносто тысяч тенге, я впал в ступор. Ей это всё больше не нужно.

Очнулся, когда услышал голос квартирантки, провожавшей реанимацию:

– Она умерла.

Я встал с дивана, подошёл к ней.

В голове оглушённость, перед глазами густая белая пелена: я практически её не вижу.

Равнодушно смотрю на неё и ничего не чувствую: ни горя, ни печали, даже жалости к ней нет.

Она умерла в двенадцать часов ночи с двадцать третьего на двадцать четвёртое октября 2011 года.

